

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 1/14

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Д. К. МАНОХИН

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

Статья посвящена предметным и методологическим связям литературоведения и культурологии. Автор рассматривает проблему соотношения культурологического и литературоведческого дискурсов и приходит к выводу, что литературоведение является одним из прототипов культурологии и характеризуется наличием теоретико-методологических проблем, релевантных культурной семантике.

Ключевые слова: литературоведение, культурология, филология, текст.

В контексте нашего исследования прояснение специфики соотношения литературоведения и культурологии требует артикуляции тех конститутивных черт ранее отмеченных дискурсов, которые способствуют пониманию близости и взаимозависимости данных дискурсивных практик. При этом мы будем придерживаться следующей дефиниции дискурса: «Дискурс <...> – вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности»¹. Сначала рассмотрим некоторые аспекты современного культурологического знания, затем – художественной литературы (в дальнейшем – литература), и, наконец, – собственно литературоведения.

Как отмечают методологи культурологических исследований, культурология представляет собой область знания, особенность которой состоит в заимствовании, интерпретации и интеграции концепций культуры, сформированных в рамках социально-гуманитарного дискурса, философии и, что особенно примечательно, – литературы. В свою очередь, эти концепции вырабатываются в ранее перечисленных дискурсивных практиках в результате рефлексии над соответствующими предметными областями. Что касается социально-гуманитарных наук, то особо подчёркивается важность теорий культуры, конституированных в таких дисциплинах, как социология, история и филология.

Необходимость упомянутой интеграции обусловлена тем, что сама «культура» обычно понимается как комплексное образование, формирующееся в результате учёта всех наличествующих на сегодняшний день областей культуры (в том числе, философии,

¹ Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 233.

науки и искусства, что мы проясним позднее при обсуждении феномена гиперрефлексивности культуры). При этом конкретные регионы культуры интересуют культурологию прежде всего как символические практики («тексты»), репрезентирующие определённые программы жизнедеятельности, социо-культурные смыслы, нормы и ценности. В словаре «Культурология. XX век» А. Я. Флиер характеризует культуру как «присущий всякому устойчивому сообществу людей *системный комплекс* специфич. и более или менее нормированных способов и форм социальной интеграции, организации, регуляции, познания, коммуникации, оценки и самоидентификации, образных рефлексий и интерпретаций <...> и т.п., обладающий способностью к социальному и истор. самовоспроизводству, адаптивной изменчивости и прогрессивному саморазвитию по пути структурно-функционального усложнения. Эмпирически этот комплекс *опредмечен* в создаваемой людьми искусственной среде их обитания, составленной из произведённых ими материальных объектов, символич. продуктов (знаний, идей, языков и др.), технологий осуществления целенаправленной и социально нормированной деятельности <...> и оценочных критериев <...>, как совокупность «социальных конвенций», *выраженных в вербальных и невербальных «текстах»*, аккумулирующих социальный опыт сообществ, накапливаемый и систематизируемый в ходе их истории [курсив наш – Д. М.]»². Мы привели столь пространную цитату, так как в ней представлена наиболее репрезентативная концепция культуры, которая позволит нам прояснить природу культурологии как интегральной области знания и обосновать необходимость философско-культурологической рефлексии (в методологическом смысле) современных литературоведческих теорий.

В контексте данного понимания специфики предмета исследования и, как следствие, интеграции различных (социально-гуманитарных, литературных, философских и др.) представлений о культуре/культурном регионе, культурология, как замечает И. В. Кондаков, «<...> не вполне укладывается в теоретический дискурс», свойственный «науке вообще» и таким дисциплинам, как *филология*, социология или семиотика, в частности³. Иными словами, культурологическая форма научного исследования представляет собой синкретический тип дискурса, содержащий компоненты гетерогенных дискурсивных практик. В итоге культурология не соответствует строгому пониманию научного дискурса и совмещает в себе помимо научности такие атрибуты, как «художественность <...>, философичность <...>, политизированность <...>, ассоциативность»⁴.

Сама же возможность столь *широкого* спектра концептуальных ориентаций связана с тем, что культура является архитектурно-сложным целым, отдельные элементы которого (культурные регионы) обладают способностью к само- и интеррефлексии. Иными словами, рефлексия культуры может осуществляться самой культурой, то есть её составляющими, среди которых находятся и философия, и литература, и наука. А любая рефлексия культуры может быть интерпретирована как тип/форма «культурологического» дискурса (мысли)⁵. Отсюда становится понятным и то, что в перечень культурных регионов включаются социально-гуманитарные науки. Однако важно, в каком контексте они рассматриваются. Если социально-гуманитарные науки предстают как форма интерпретации культурных объектов, то выступают в качестве концептуальных ориентаций культурологического дискурса. Если же социально-гуманитарный дискурс исследуется как предмет «культурологической» рефлексии ранее отмеченного типа или как специфический объект культурологии, то он интерпретируется в качестве одной из областей культуры. Подобная гиперрефлексивность культуры делает проблематичным научный статус самой культурологии и напоминает ситуацию интертекстуальности, охарактеризованную в трудах литературоведа и семиолога Ю. Кристевой. Эта ассоциация имеет неслучайный характер, в связи с чем обратимся к рассмотрению особенностей структуры культурологического знания.

² Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 208.

³ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 12-14. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 176.

Следует отметить, что понимание структуры культурологии как науки является неоднозначным в существующих на сегодняшний день концепциях. В наши задачи не входит их полный учёт, описание и систематизация. Мы лишь остановимся на нескольких наиболее легитимных (взаимодополнительных) концепциях и акцентируем моменты, имеющие значимость для нашего исследования.

Наиболее распространённые взгляды на структуру культурологического знания представлены в текстах А. Я. Флиера. В словаре «Культурология. XX век» Флиер пишет: «<...> в К. [культурологии – Д. М.] можно выделить два <...> профиля познания: собственно К. (в узком смысле) – <...> интегративное знание о целостном феномене культуры в реальном истор. времени и социальном пространстве её существования – и культуроведение – <...> совокупность частных научных дисциплин, изучающих отд. подсистемы культуры по специализир. областям деятельности <...> (религ., худож. и пр. культуры)»⁶. (Естественно, что в состав культуроведческих дисциплин войдёт и литературоведение.) Флиер замечает, что, действительно, рефлексией культуры как «имманентного аспекта» человеческой деятельности занимаются все социально-гуманитарные науки⁷. В этом смысле дисциплинарное строение культурологии воспроизводит структуру современного социально-гуманитарного знания. Однако к собственно культурологическому исследованию (в узком смысле) будут относиться лишь те работы, выполненные в рамках культуроведческих дисциплин, в которых «культура представлена как целостный и непосредств. объект познания, является предметом реконструкции и моделирования на основании вербальных и невербальных «текстов» <...>»⁸. Более того, Флиер делит культурологию на два вида: гуманитарную (предмет – процессы и формы интеллектуального и образного самопознания культуры) и социальную (предмет – процессы и формы социокультурной организации и регуляции коллективной жизни людей).

Ранее отмеченные представления дополняет структура культурологического знания, предложенная тем же А. Я. Флиером. Флиер выделяет два типа культурологии: фундаментальную (цель – «изучение культурных процессов и явлений <...> на основании общих закономерностей протекания социокультурной жизни») и прикладную (цель – изучение, планирование и разработка методики «прогнозирования и управления социокультурными процессами в рамках государственной <...> культурной политики, осуществляемой специализированными культурными институтами и общественными организациями») ⁹. В свою очередь, фундаментальная делится на социальную культурологию, психологию культуры и культурную семантику. По причинам, которые станут понятными далее, нас, прежде всего, интересует последняя.

Культурная семантика занимается изучением культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла. В соответствии с данной целью эти объекты понимаются как «культурные тексты», то есть знаковые формы. В этой связи, как отмечает А. Я. Флиер, одной из главных задач культуролога становится *герменевтическая* реконструкция смысла того или иного «культурного текста»¹⁰. Подобное понимание культуры и способов её изучения обуславливает необходимость обращения к концепциям знака и знаковой системы, сложившимся в логической семантике, лингвистике, герменевтике, семиотике культуры, разработанной в рамках тартуско-московской школы усилиями ученых-филологов, литературоведении.

Но даже вне контекста культурной семантики культурология понимается многими учёными как дисциплина, специфическим объектом познания которой является текст¹¹.

⁶ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 250-251.

⁷ Там же. – С. 241.

⁸ Там же. – С. 241.

⁹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 50-51.

¹⁰ Там же. – С. 74.

¹¹ Хагуров А.А. Предмет и методы культурологии / А.А. Хагуров // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С.17-18.

И. В. Кондаков, как и его коллеги (ведущие культурологи), опубликовавшие свои статьи в фундаментальном исследовании «Современные трансформации российской культуры», интерпретирует культуру/культурную историю как семиотический интертекст, «состоящий из цитат, аллюзий, метафор, стилизаций; явной или скрытой полемики, диалога, столкновения; вторичной и последующих интерпретаций и реинтерпретаций текстов; пародирования, травестии или нарратива «чужого текста» <...>»¹². Словом, культура манифестируется как совокупность взаимодействующих друг с другом культурных текстов, требующая для своего адекватного изучения применения интертекстуальной методологии, – подхода, который был разработан в рамках постструктуралистского литературоведения и семиотики Ю. Кристевой. Данный подход во многом способствовал формированию синкретического (постмодернистского) культурологического дискурса.

Понимание культуры как совокупности «текстов», репрезентирующих и интерпретирующих культурные смыслы, нормы и ценности, а также друг друга, прямым образом указывает на феномен, текстуальная сущность которого является несомненной, – литературу. Так, А. Я. Флиер, говоря об особом случае «порождения и функционирования культурной формы» – феномене произведения, упоминает *вербальные тексты* «литературного, философского, религиозного или научного творчества»¹³. С культурологической точки зрения подобный порядок перечисления типов вербальных текстов может быть объяснён следующим образом. И. В. Кондаков пишет: «Литература – более, чем какое-либо искусство, и более, чем какая-нибудь разновидность идеологии, – представлена в виде словесного текста, который может служить *эталонном словесного представления культуры вообще* [курсив наш – Д. М.]»¹⁴. Как видим, здесь, как и у Флиера, подчёркивается вербальный характер литературы. Однако Кондаков указывает также на более выигрышную позицию литературы как формы репрезентации культурных смыслов по сравнению с остальными разновидностями искусства и идеологии (под которой понимается и философия). В отличие от других видов искусства специфика литературы состоит в наличии вербальных средств передачи информации, дающих возможность транслировать сложные (в том числе, абстрактные) идеи и тем самым актуализировать интеллектуальные способности реципиента. В свою очередь, от различных форм идеологии литература отличается присутствием образно-экспрессивных языковых элементов, способных передавать визуальные модели/психологические переживания и воздействовать на воображение/чувства читателя. Благодаря этим чертам литература является самой пластичной формой представления культурных смыслов, как в контексте искусства, так и идеологии.

Тезис о том, что литература представляет собой наиболее адекватную форму репрезентации и рефлексии культурных смыслов, норм и ценностей, не вызывает сомнения ни у кого из культурологов. Недаром в сборниках научных работ по культурологии литературе и искусству в целом уделяется особое внимание, что отражается в наличии специальных рубрик.

Мы остановимся на культурологической концепции искусства в целом, так как она во многом основывается на семиотической теории культуры, одним из способов создания которой послужила экстраполяция представлений о природе литературы на иные области искусства. В рамках культурологии искусство понимается как «система смыслонесущих текстов», а «феномен художественного образа как специфический тип семантемы, несущей социально значимую информацию»¹⁵. Этой точки зрения придерживается большинство культурологов. Искусство манифестируется в качестве способа представления «феномена человека и окружающего его мира»¹⁶. Более того, так как искусство является одним из типов самосознания культуры, оно не просто воспроизводит некий соци-

¹² Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 9.

¹³ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С.147.

¹⁴ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 398.

¹⁵ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 230.

¹⁶ Там же. – С. 231.

альный опыт/культурные универсалии, но и рефлексивует над ними. В процессе этой рефлексии искусство реинтерпретирует культурные смыслы и ценности и моделирует некие возможные миры/социокультурные сюжеты. Тем самым оно не только отражает культурные клише, но и артикулирует их трансформации, которые либо уже актуализированы, либо находятся в потенциальном состоянии. Таким образом, искусство, как замечает, в частности, А. Я. Флиер, проектирует, а затем транслирует «некие эталонные образцы нормативного сознания и поведения», стимулируя с позиций ценностных эталонов социальную практику людей¹⁷. Отсюда следует, что искусство выполняет функцию осмысления и представления наиболее важных социокультурных норм и их трансформаций, а также инкультурации индивида.

Подобное понимание искусства сложилось в культурологии во многом в результате учёта достижений западноевропейской эстетики и культурфилософских концепций. Что касается эстетики, то необходимо упомянуть протокультурологический пафос теорий искусства, созданных в рамках немецкой классической философии. Искусство также было в центре внимания культурфилософов XX века, концепции которых считаются одной из главных предпосылок современной культурологии. Достаточно назвать имена Маритена, Марселя, Вейдле, Белля. Итогом этих концепций является тезис о неизбежности идеологической ангажированности писателя, основной задачей которого становится, таким образом, рефлексия и конститутирование моральных норм и трансляция их широкой (в отличие от других специализированных форм культуры) аудитории.

В ранее рассмотренном контексте литература (вид искусства, отличающийся «дополнительными» позитивными чертами) как «культурный текст», изначально обладающий текстуальной и социокультурной сущностью в наиболее интенсивной форме, является одним из прототипов/образцов специфического объекта культурологического исследования. Литература же, как известно, является специальным предметом изучения такой науки, как литературоведение/филология. Причем, как показывает даже достаточно поверхностный взгляд на фундаментальные учебники по теории литературы, аккумулирующие наиболее релевантные концепции специфики художественного дискурса, культурологическое понимание литературы не является для филологов неожиданностью. Так, в наиболее удачном в теоретико-методологическом отношении учебнике В. Е. Хализева¹⁸ приводятся общепринятые литературоведческие представления о природе литературы, имеющие значимость и для культурологии. В частности, Хализев пишет о таком аспекте литературы, как способность к обобщению и художественной типизации культурных и других явлений. Также он касается тематики литературного произведения (предмета художественной рефлексии и оценки), которая включает в себя бытие как целое, феномены человеческой жизни («антропологическая» тематика) и культуры (культурно-исторический тематизм, «сближающий» литературу с культурологией). Рассматривая проблему отношения литературы к миру ценностей, Хализев отмечает, что литература ориентируется на культурные нормы и ценности и, в свою очередь, ориентирует на них читателя, способствуя его социокультурной самоидентификации. Особенно важным в данном контексте является замечание Хализева, касающееся теоретико-методологических аспектов литературоведения. Он пишет о необходимости равноправного использования в рамках литературоведческого исследования как традиционной (узкофилологической), так и семиотической, а также культурологической концепций «текста». Любопытно, что последние разработаны культурологами, хорошо известными как литературоведы, – Ю.М. Лотманом и М. М. Бахтиным.

Все ранее сказанное заставляет нас обратиться к собственно литературоведению и его взаимоотношениям с культурологией. Наиболее яркая и в то же время радикальная трактовка соотношения культурологии и литературоведения сложилась в американской методологии гуманитарных наук. В частности, она представлена в работе Дж. Каллера «Теория литературы», в большей степени посвящённой теоретико-методологическим проблемам современного литературоведения. Каллер отмечает, что «если рассматривать

¹⁷ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 231.

¹⁸ Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.

литературу как область культуры в целом, то придется признать, что культурология включает в себя литературоведение»¹⁹. Однако он задаётся вопросом об истории взаимоотношений литературоведения и культурологии и вследствие этого обращается к проблеме возникновения культурологической науки. Каллер выделяет два истока культурологии: 1) французский структурализм 60-х годов, в рамках которого культура (в частности, литература) рассматривалась как совокупность явлений, чьи законы или свойства подлежали структурному описанию (в связи с этим приводится пример – работа Р. Барта «Мифологии»); 2) марксистская теория литературы (Уильямс, Хоггарт), целью которой был анализ специфики и функций народной и массовой культуры. В итоге Каллер приходит к следующему выводу: «Культурология возникла как применение *техники литературоведческого анализа* к другим культурным объектам. Культурные артефакты рассматриваются при этом как «*тексты*», которые подлежат *прочтению*, а не простому учёту [курсив наш – Д. М.]»²⁰.

Данное понимание соотношения культурологии и литературоведения представляется нам вполне обоснованным. Тем более, что положения, близкие ранее отмеченной концепции, разделяют и сами культурологи (методологи культурологических исследований). Так, в программной статье «Культурология в системе гуманитарных наук», посвящённой вопросам легитимации научного статуса культурологии, Е. П. Чельшев пишет: «<...> исторические, теоретические, прикладные исследования по культурологии остаются тесно связанными с искусствоведением и *филологией*, особенно такие области культурологии как теория и история культуры [курсив наш – Д. М.]»²¹. В уже упоминавшемся словаре «Культурология. XX век» содержится следующее замечание: «Теоретические первоначала культурологии складывались не только в русле антропологической традиции, но и в значительной мере в рамках философии, социологии, исторической и *филологической наук* [курсив наш – Д. М.]»²². Среди филологов отмечаются имена М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, О. М. Фрейденберг.

В последнем замечании показательно то, что в качестве источников культурологии, которые по сей день продолжают оставаться её концептуальными ориентациями, в то же время испытывая обратное влияние культурологического дискурса, артикулирована не только филология (литературоведение). Антропологические изыскания, философия (культурфилософские концепции), социология и история также являются предпосылками культурологии, что не раз получало надлежащее обоснование в различных работах по истории и методологии культурологических исследований. Однако мы не будем на этом детально останавливаться. Для нас важно, что в данном контексте литературоведение не может быть истолковано как единственный источник культурологического дискурса. Однако оно может быть рассмотрено как *один из* прототипов культурологического исследования и как культуроведческая (в терминологии А. Я. Флиера) наука, теоретико-методологические проблемы которой являются парадигмальными для современной культурологии (в узком смысле).

Прежде всего, это касается самой специфики филологии (*современного* литературоведения) как научной дисциплины. В классической статье С. С. Аверинцева, содержащейся в словаре «Культурология. XX век», филология определяется как «<...> совокупность, содружество гуманитарных дисциплин – лингвистич., лит.-ведч., истор. и др., – изучающих *историю и сущность духовной культуры человечества* через языковой и стилистич. анализ **письменных текстов** [курсив наш – Д. М.]»²³. В этом смысле, как отмечает тот же Аверинцев, главная задача филологии – служение «самопознанию куль-

¹⁹ Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2006. – С. 50.

²⁰ Там же. – С. 54.

²¹ Чельшев Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С. 40.

²² Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 6.

²³ Там же. – С. 493.

туры»²⁴. Универсальность филологического знания, обозначенная в приведенном определении Аверинцева, наиболее полно реализовалась в фигуре филолога-классика, который совмещал в себе лингвиста, критика, историка культуры, знатока гуманитарных и естественных наук²⁵. Подобная универсальность исследовательского дискурса сохранилась в рамках гуманитарных наук и после дифференциации синтетического филологического знания. В первую очередь, это касается литературоведения, которое в XX веке вновь обретает, а, точнее, реактуализирует междисциплинарный характер своего дискурса и тем самым развивает *неоклассическое* понимание филологии. (Это позволяет нам придать терминам «литературоведение» и «филология» квазисинонимическую коннотацию.) В этом контексте литературоведение может быть интерпретировано как один из возможных прототипов культурологического исследования, также имеющего междисциплинарную природу, связанную с пониманием феномена культуры как совокупности «культурных текстов».

Рассмотренная выше концепция филологии/литературоведения разделялась многими литературоведами XX века. Более всего это касается тех ученых, которые акцентировали культурологические потенции литературоведения, способствуя возникновению и развитию культурологии как специальной области научного знания. Это те самые ученые, которые фигурируют в качестве персоналий в двухтомной энциклопедии «Культурология. XX век»²⁶: М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, Р. О. Якобсон, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев. При этом они понимаются как культурологи или, по крайней мере, филологи, которые создали литературоведческие теории, содержащие потенции культурологического дискурса.

Ранее перечисленные литературоведы совершают тот теоретико-методологический поворот, который позволяет рассматривать их исследования как (про)культурологические. Культура в этих исследованиях предстаёт как специальный «предмет реконструкции и моделирования на основании» прочтения «вербальных <...> «текстов»²⁷. Иными словами, литературоведческие работы приобретают ту коннотацию, которая, как уже отмечалось, отличает собственно культурологию от подхода социально-гуманитарных наук, в которых культура изучается как «имманентный аспект» всякой специализированной и неспециализированной человеческой деятельности. Именно такие работы дают дополнительные основания для того, чтобы рассматривать литературоведение как один из прототипов культурологического дискурса, а также как наиболее важную из культуроведческих дисциплин. Однако и в других отношениях литературоведение содержит в себе культурологические потенции, что предопределено спецификой самого объекта исследования – литературы, в которой «переплетаются <...> и социум, и психология человека, и его язык»²⁸.

Помимо междисциплинарного («универсального») характера исследовательского дискурса и скрытого/явного культурологического пафоса литературоведение обладает еще одной чертой, эксплицирующей его значимость для собственно культурологии. Мы имеем в виду разработку в рамках литературоведения концептуальных оснований семиотики культуры – дисциплины, повлиявшей на создание и развитие культурной семантики. Семиотика культуры была сформирована усилиями как отечественных (Лотман, Успенский, Топоров), так и зарубежных (Барт, Кристева) ученых. Так, Ю. М. Лотман (глава тартуско-московской семиотической школы) изначально был литературоведом, стремившимся к структуралистскому/научному исследованию литературы. С этой целью он

²⁴ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 493.

²⁵ Там же.

²⁶ Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т./ Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 894 с.

²⁷ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 241.

²⁸ Горлова И.И. Культурология как наука и учебная дисциплина / И.И. Горлова // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 64.

разрабатывал и применял в своих работах методы семиотического/структурного анализа художественного текста. В ходе подобных исследований Лотман экстраполировал литературоведческо-семиотическое понимание природы художественного дискурса на область всех культурных объектов и конституировал концепт «культурного текста» как вторичной моделирующей системы, надстраивающейся над естественным языком. Тем самым он создал семиотику культуры (точнее, ее вариант) – направление, носящее междисциплинарный характер вследствие интеграции теоретико-методологических компонентов литературоведения, лингвистики, собственно семиотики, искусствознания.

Сходным путем шли и французские семиологи/литературоведы. Особенно велики в этом отношении заслуги Ю. Кристевой, которая разработала концепцию «интертекста»/«интертекстуальности» и соответствующую методологию анализа художественного текста. Как мы отмечали, данная концепция составила одну из системообразующих конфигураций современного культурологического понимания феномена культуры. В этом смысле Ю. Кристева, как и ранее перечисленные литературоведы-семиологи, разработала основополагающие концепты для создания, функционирования и развития такой фундаментальной культурологической дисциплины, как культурная семантика.

Помимо всего сказанного следует заметить, что литературоведческие исследования маркированы наличием теоретико-методологических проблем, релевантных современному культурологическому знанию: полипарадигмальность литературоведческого типа научного познания; полисемантизм объекта филологического исследования, порождающий интерпретативные трудности; гетерогенность/«квазинаучность» исследовательского дискурса конкретных литературоведческих направлений, обусловленная наличием разнородных концептуальных и методологических ориентаций литературоведения; непроясненность специфики соотношения филологии и философии.

Подобные проблемы являются наиболее значимыми и для культурологического знания. В культурологии общепризнанной считается ситуация наличия множества разнородных теорий культуры и методологических подходов к ее изучению. Не менее распространены среди культурологов замечания о трудности интерпретации культурных объектов, обусловленной их полисемантизмом и интертекстуальной природой. Помимо этого весьма существенной является проблема научного статуса культурологического знания, артикулирующаяся в связи с тем, что культурологи прибегают в своих исследованиях не только к языку науки, но и к философским обобщениям и художественным ассоциациям. Данная проблема проистекает из существования гетерогенных концептуальных ориентаций культурологического дискурса. Не менее известна самая сложная, быть может, задача культурологии – прояснение соотношения культурологического знания и философии (философии культуры). Как пишет Е. П. Чельшев, «движение от понимания культурологии как науки междисциплинарной <...> должно привести к формированию своеобразной метатеории гуманитарных наук, не сводимой к философии культуры»²⁹.

В итоге мы делаем следующий вывод относительно соотношения культурологии и литературоведения, уточняющий позицию Дж. Каллера и объясняющий необходимость и эффективность философско-культурологического анализа теоретико-методологических проблем литературоведческого познания: литературоведение является культуроведческой наукой (региональной наукой о культуре), послужившей одним из источников/прототипов собственно культурологии (интегральной области знания, задача которой стать системообразующей основой социально-гуманитарных наук) и характеризующейся наличием теоретико-методологических проблем, релевантных современному культурологическому дискурсу (прежде всего, культурной семантике).

Список литературы

1. Горлова И.И. Культурология как наука и учебная дисциплина / И.И. Горлова // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское

²⁹ Чельшев, Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С. 40.

- отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 59-70.
2. Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2006. – 158 с.
 3. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 630 с.
 4. Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т./ Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 894 с.
 5. Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
 6. Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – 751 с.
 7. Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.
 8. Хагуров А.А. Предмет и методы культурологии / А.А. Хагуров // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 3-37.
 9. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
 10. Чельшев Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С.37-45.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE CORRELATION BETWEEN THE LITERATURE STUDIES AND THE CULTURAL STUDIES

D.K. MANOKHIN

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

This article discusses the subjective and methodological relations between the Literature Studies and the Cultural Studies. The author considers the problem of the correlations of the Study of Culture and the Study of Literature. He concludes that the Study of Literature is one of the prototypes of the Study of Culture. There are some theoretical and methodological problems in the Study of Literature those are relevant to the culture semantics.

Keywords: Literature Studies, Cultural Studies, philology, text.